

Иероним Ясинский

Начистоту

Иероним Иеронимович Ясинский

Начистоту

«Моросил дождь. Сергеев поднял воротник пальто и, широко шагая через улицу и расплёскивая грязь, шёл по направлению к трём тополям, за которыми приветливо светились окна. Добравшись до тротуара, где под навесом блестел деревянный помост, Сергеев вздохнул, отёр платком лицо и позвонил. Не отворяли. Он позвонил ещё. Тот же результат. Тогда он подошёл к окну и стал глядеть в него, барабаня по стёклам.

Комната была большая и нарядная. На столе горела бронзовая лампа под матовым словно ледяным шаром. Мягкие креслица стояли полукругом на пёстром ковре. На белой стене, вверху, ярко сияла золотая полоска карниза, отражаясь в зеркале...»

Иероним Ясинский Начистоту

Моросил дождь. Сергеев поднял воротник пальто и, широко шагая через улицу и расплёскивая грязь, шёл по направлению к трём тополям, за которыми приветливо светились окна. Добравшись до тротуара, где под навесом блестел деревянный помост, Сергеев вздохнул, отёр платком лицо и позвонил. Не отворяли. Он позвонил ещё. Тот же результат. Тогда он подошёл к окну и стал смотреть в него, барабаня по стёклам.

Комната была большая и нарядная. На столе горела бронзовая лампа под матовым словно ледяным шаром. Мягкие креслица стояли полукругом на пёстром ковре. На белой стене, вверху, ярко сияла золотая полоска карниза, отражаясь в зеркале.

«Хорошо живётся каналье! – завистливо подумал Сергеев, продолжая барабанить. – Ишь, дрыхнет, верно!»

– Да ну же, – крикнул он, теряя терпенье, – что это за мода! Назовёт гостей, да и держит их под дождём! Степан Фёдорович, а Степан Фёдорович!

Лампа мигнула: где-то в доме открыли или

закрыли дверь. В комнату быстро вошёл, натягивая на себя сюртук, высокий брюнет, увидел в окне Сергеева и исчез в передней. Щёлкнул замок.

– Ты, Сергеев?.. Давай руку... Что это ты?.. А я спал... Который теперь час?

– А что – не вовремя? – спросил Сергеев, входя в переднюю и снимая пальто. – Рано? Извини, часов нет! Извини... Действительно, может быть... рано.

И гость, и хозяин сконфуженно смотрели друг на друга. Особенно смущён был хозяин; чёрные глаза его бегали, он суетился.

– Отлично, что пришёл, – говорил он радостным голосом. – Что ты!.. Рано!.. Ты всегда... Я тебе всегда... Мы, вот, чай... будем пить... Вот я сейчас распоряджусь... Дождь?.. Ты очень измок, Илюша? Ты, брат, не скрывай... не скрывай... Этого нельзя скрывать!.. Можно, брат, такую горячку схватить... Ой-ой-ой!.. Эко... ботфорты какие у тебя... дорого дал?.. Хорошие ботфорты... Верно, ворванью смазываешь... Ну, садись, ради Бога!

Он схватил его широкую руку и стал жать.
– Садись, садись!

– Я ковёр... потово... попачкаю... – проговорил Сергеев.

– Пачкай – ничего! – сказал, любезно осклабившись, Степан Фёдорович и подумал: «Чтоб тебя чёрт взял!» – Ничего – пачкай. А я вот чаю сейчас... Ты пока газету почитай... А я мигом... Я, брат...

Он скользнул в дверь, и Сергеев остался один.

Это был коренастый малый, с крепкою как деревянный ящик грудью и резкими чертами большого лица. Две морщинки меж светлых бровей и стеклянистый блеск мелких глаз не придавали ему симпатичного вида, хотя красные губы его улыбались добродушно. Он был в затасканной жакетке и свежей рубашке. Тугой воротничок упирался в щёки и мешал читать газету. Но Сергеев не отгибал его, боясь измять. В глубине комнат слышался некоторое время подавленный смех, а через минуту раздался звонок, и Степан Фёдорович выбежал из боковой двери.

– Сейчас дадут чаю! – крикнул он гостю на ходу.

Смех послышался в передней. Сергееву показалось, что это был всё тот же смех, тоненький, рассыпчатый, так хорошо ему знакомый...

– Ах, как сыро! Ужасно!.. Чуть не упала... Извозчика ни одного!.. Ждала, что кто-нибудь зайдёт... И пришлось одной...

Вошла, покачиваясь на высоких каблуках, молодая девушка. У неё было румяное лицо, белый лоб, тонкие брови дугой, влажные, тёмные глаза и вздёрнутый носик. Круглую талию её схватывал лакированный пояс, и шерстяная материя плотно лежала на выпуклой, неровно дышащей груди. Девушка улыбалась, скашивая уголок рта, и держалась развязно.

– Сергеев!

Она протянула ему руку и опять засмеялась.

Сергеев нахмурился и бросил подозрительный взгляд на приятеля, который стал благодарить девушку за посещение.

– А я всё ждала вас! – сказала Марья Ивановна, поворачивая к Сергееву улыбающееся лицо и сверкая зубами. – А вы не пришли! От-

чего?

– Ему дождь мешал, – торопливо пояснил Степан Фёдорович. – Он, бедняга, измок... Этим шутить, Илюша, нельзя... повторяю!.. Сейчас мой Пахом чаю даст... Тебе пуншик надо выпить, крепкий пуншик!.. Да и спиртом вытереться бы...

– Что ты! Только одно пальто... мокрое! – пробасил Сергеев и, обращаясь к Марье Ивановне, плечи которой тряслись от смеха, сказал. – Заходил... да не застал...

– Ещё бы – вечером! Мы вас к обеду ждали... А потом мне нужно было... уйти... вы не могли застать...

– Удивительно, право! – начал Сергеев.

– Что такое?

– Да так! Слышал ваш смех... вон там... перед вашим приходом!

Лицо Марьи Ивановны вспыхнуло, и даже лоб её покраснел.

– Неправда! – воскликнула Марья Ивановна, хватаясь за газету. – Вам представилось... Вот, Сергеев, какой вы чудака!.. Молчите, пожалуйста, что за глупые шутки! Степан Фёдорович, кто у вас будет?..

– Многие будут...

– Сергеев, подвиньте мне подушку, – она по-институтски прижала к локтям ладони. – Вот так! Какая любезность!.. Благодарю вас... Многие? Кто же?.. Впрочем, вы ещё третьего дня говорили... Как мне сегодня весело!.. Знаете, Сергеев, бывают в жизни такие минуты, когда особенно весело, когда хочется смеяться, смеяться без конца... ха, ха, ха!

– Вообще вы... любите смеяться...

– Ну, нет... Не всегда!.. Вот вчера плакала... Бедный Шумейко!.. Ужасно!.. В цвете лет... умница...

– Что умница! Главное – человек! – мрачно изрёк Сергеев и, забывшись, отогнул уголок воротничка.

– Мм... – с грустной улыбкой произнёс Степан Фёдорович, – не будем, Илюша... и к чему? Словами не поможем... К чему раздражать себя?.. Вопрос сложный...

– Простой!

– Сложный! Согласить личное благо с общим! Если сразу – выйдет сумбур... Шумейко хотел согласить – и погиб... Личное счастье... Но лучше замолчим.

Сергеев сердито стал ходить.

– Есть вид личного счастья, – сказала Марья Ивановна, краснея, – которое не может быть согласимо с общим...

Большие глаза Степана Фёдоровича засмеялись, он одобрительно посмотрел на девушку и кивнул ей стриженной головой.

– Есть... конечно, – подтвердил он. – А на счёт того, – обратился он к Сергееву, – так ты не особенно казни меня... Ты знаешь очень хорошо, что вообще я... всякому благородному порыву... хм... как бы тебе это сказать?... Одним словом, ведь, я считаю тебя другом... и следовательно...

Тут мальчик подал мельхиоровый поднос с чаем, сухарями и графинчиком рома.

– Наконец-то! – радостно крикнул Степан Фёдорович, внезапно обрывая разговор. – Илюша! Чайку... Пуншик... Лей побольше!.. Ты промок... Марья Ивановна!

III

Мало-помалу собрались гости. Степан Фёдорович каждого встречал в передней и вводил в гостиную, ласково придерживая за талию. Комната оживилась, табачный дым под-

нимался к потолку. В одном углу играли в карты, в другом беседовали о событиях дня. За Марьей Ивановной ухаживал толстый белоглазый человек, с розовым лицом и рыженькой окладистой бородкой, одетый пёстро и двигавшийся с грацией полной дамы, товарищ прокурора Кромский. Он шутя упрасивал Марью Ивановну выйти за него замуж, а ей это казалось смешным, и она хохотала. Сергеев с ненавистью смотрел на жирную фигуру Кромского, свободно развалившегося на диване. На Кромского мельком взглядывал и суетившийся Степан Фёдорович, и тоже не особенно дружелюбно. Впрочем, он улыбался ему всякий раз, как их глаза встречались.

В кучке гостей, где говорили о текущих событиях, как-то, сам собой, незаметно, разгорелся жестокий спор. Марья Ивановна встала и подошла к спорившим. За ней последовал Кромский. Увидев Сергеева, он обратился к нему.

– О чём шумят витии?

– Не знаю, – сухо отвечал тот.

Кромский вздохнул, как вздыхают толстя-

ки.

– О чём-нибудь глупом, пари держу, – проговорил он.

– Подождите же, дайте мне сказать! – кричал пискливым тенором Тараканов, молодой человек, тонкий и высокий как аист, с волосами, висевшими на узеньком затылке в форме перьев, с длинным носом и крошечным подбородком. – Дайте же мне сказать! Ведь если все будем галдеть, выйдет чепуха. Дайте же мне сказать!

Другой, Поленов, с толстым лицом, курчавый и чёрный, не обращал на него внимания и старался развить свою мысль во что бы ни стало. Но его не слушали. Ещё три человека говорили, постепенно повышая голоса. Сергеев не выдержал и набросился на кого-то.

– Говорю же вам...

– Ерунда!

– Ни одно цивилизованное общество...

– Ерунда!

– О чём спорят? – спросила Марья Ивановна Степана Фёдоровича.

– О вчерашнем... о Шумейко... Законно или незаконно... Пройдите в кабинет, – прибавил

он тем же тоном, пользуясь шумом, – и подождите там... Я хочу с вами хоть минуту побыть... Метафизики! Действительность – увы! – не рассуждает. Пожалуйста.

«Огневая девчонка», – аппетитно подумал Кромский, глядя вслед за уходившею Марьей Ивановною.

Спор между тем на минуту упал. Тараканову дали, наконец, говорить. Он запищал, плавно помахивая худенькой ручкой. Но недолго продолжалось его торжество. Сергеев стал прерывать его всё чаще и чаще, и образовался дуэт. Сергеев кричал, что Шумейко был его другом ещё на школьной скамье. Кто смеет порицать Дмитрия Шумейко? Кто порицает Дмитрия Шумейко, тот порицает принцип, которому служил этот человек – служил почище всякого радикального чиновника особых поручений (намёк на Тараканова). При слове «принцип» закипятился Поленов. Надо разобрать, какой принцип! Тогда снова все загалдели, и так громко, что играющие гневно глянули в сторону спорщиков и пожалели плечами.

«Скандал!» – подумал Кромский, и удалил-

ся к преддиванному столу, медленно и серьёзно пуская дым изо рта.

IV

Степан Фёдорович чрез несколько минут торопливо вошёл.

– Господа! Господа! Пожалуйста, оставьте! Прошу вас... Не развивайте...

Он отвёл Поленова в сторону и посадил возле Кромского.

– Александр Семеныч, плюньте на них, – шепнул он. – Такое ли теперь время!

Поленов не мог сразу успокоиться и сильно желал завязать разговор с Кромским. Но товарищ прокурора молчал и всё курил.

– Не развивайте этой темы! Ради Бога! – молил Степан Фёдорович, обращаясь к Тараканову. – Илюша, пожалуйста, воздержись... Господа, а господа! Сейчас закусывать будем. Дикая коза есть. Господа!

Он сильною рукою взял Тараканова за талию и повёл к дивану.

Спор прекратился. Все помолчали, и скоро пошли разговоры на иные темы. Многими было высказано, что Степан Фёдорович прав, восставая против обсуждения некоторых во-

просов. Действительно, легко нажать беду. К тому же, прошлое Степана Фёдоровича у всех на памяти. Ему теперь нужно вести себя осторожно. Кто-то упомянул об актрисе Мотиной. Кромский оживился.

– Да, да, – сказал он. – Сокровище, а не женщина! Икры – во!

Он показал руками, какие у неё икры.

– Скажи, пожалуйста, Степан Фёдорович, – продолжал он, – после ужина... на сцене... а?... Да? Ой, Степан Фёдорович!

Он погрозил ему пальцем. Степан Фёдорович самодовольно улыбнулся. Но, в сущности, воспоминание об актрисе Мотиной, жирной сорокалетней красавице, было ему противно, особенно теперь, когда он ещё чувствовал на губах трепет свежего поцелуя.

– А где Протопопова?

– В столовой... Я пригласил её... Нельзя же... без хозяйки...

– Гм!

Кромский посмотрел на Степана Фёдоровича и заметил в его глазах ликующее выражение.

«Слопает, скот, если ещё не слопал», – по-

думал он, представляя себе гладко обтянутые плечи Марьи Ивановны и её щёки, похожие на две половинки румяного яблока.

Между тем Сергеев глядел по сторонам. Он тоже вспомнил о Марье Ивановне и искал её.

«Ушла, что ли?»

Но шум в передней привлёк его внимание. Мгновенно очутившийся там Степан Фёдорович с кем-то громко здоровался и сочно целовался.

– Шумейко, Шумейко!

Человек среднего роста, лет тридцати, не худой и не толстый, красиво вошёл в гостиную. На нём был чёрный сюртук до колен, и траурные полосы белелись на лацканах сюртука. Густая светлая борода его, с рыжим оттенком, мягко лежала на галстук, заколотом жемчужной булавкой. Большой лоб вверху прикрывали русые завитки жидких волос, расчёсанных посредине, а выражение глаз исчезало под стёклами золотого пенсне, которое Шумейко надел при входе; но, судя по нахмуренным бровям и резким морщинам возле крупного, сизого носа, он был грустен и злился.

Степан Фёдорович представил ему некоторых своих гостей; некоторых он узнал сам. С Кромским он поцеловался, Сергеева не заметил.

– Я не знал, дорогой Степан Фёдорович, – начал он, – что у тебя званый вечер... Я только что приехал... После этого случая с братом, понимаешь, мне было б даже неловко пировать... хотя, конечно, и вам, господа, это известно, у меня не было с ним ничего общего...

Он плавно мотнул головой и обвёл всех глазами. Высморкавшись в раздушенный платок, он продолжал:

– Пользуюсь случаем, чтоб заявить об этом... Но я направился к тебе, Степан Фёдорович, в надежде услышать совет от тебя как от умного и даровитого адвоката, которым, по справедливости, может гордиться наш суд, – он выразительно посмотрел на Кромского. – Дело серьёзное и щекотливое и, кроме того, такое... Но подари мне, пожалуйста, пять минут.

Гости безмолвно внимали словам этого провинциального аристократа, стора от любопытства.

Степан Фёдорович с почитательною фамильярностью взял его под руку и повёл в кабинет.

– Всё моё время к твоим услугам, – говорил он по пути. – Что случилось?

V

Они прошли в маленькую комнату с письменным столом, с книжными шкафами под воск, стульями, обитыми кожей, и турецким диваном, занимавшим четверть кабинета. На стене красовалась большая олеография в золочёной раме, изображавшая хорошенькую девочку с обнажённой грудью и с печалью в наивных глазах по поводу разбитого кувшина, висевшего у неё на руке. С потолка струил свет китайский фонарик. На полу лежал ковёр, скомканный у дивана...

– У тебя тут премило! – заметил Шумейко, садясь.

После коротенькой паузы, употреблённой на беглый осмотр кабинета, причём было ясно, что Шумейко собирается скорее с мыслями, чем любуется обстановкой адвоката, он спросил:

– Сергеев в городе?

– В городе. И даже у меня. Он у меня в гостях.

– Брат успел перевести всё на деньги, – сказал Шумейко гробовым голосом, – и завещал нотариальным актом, совершённым ещё за несколько месяцев до смерти, весь капитал Сергееву. Брат разорил меня.

Он поник головой.

Степан Фёдорович от изумления раскрыл рот. Завистливое чувство сжало его грудь.

– Неужели?.. Грабёж! – горячо заявил он.

– Грабёж, – мрачно прошептал Шумейко.

«Ах Митя, – думал Степан Фёдорович, – а меня забыл!»

– Тысяч сто? – спросил он.

– Без малого.

– Вот неожиданность!

– Да, – продолжал Шумейко. – Признаюсь, к мысли о потере брата я уж привык...

Он остановился.

– Конечно, мне жаль брата...

– Потеря тяжёлая, – заметил адвокат.

– Да... И, конечно, воля брата священна...

– Тем более, – подхватил Степан Фёдорович, – что облечена в законные формы...

– Гм!.. Но, однако же... Признаюсь, Степан Фёдорович, мне эти законные формы...

Он повертел пальцами в воздухе.

– Неужели деньги пропадут? – спросил он.

– При законности форм... да!

– Но ведь это мои деньги? Я почти чувствую, как они лежат у меня здесь, в этом кармане!..

Шумейко горячился.

– Может быть, – посоветовал адвокат, склонив на плечо голову, – ты вступил бы в сделку? Сергеев, пожалуй, ещё ничего не знает...

– Пожалуй...

– Что ж?

– Позови его!

Степан Фёдорович позвал Сергеева. Выслушав их, Сергеев пришёл в такое волнение, что долго не мог сказать ни слова. Наконец, он произнёс, заикаясь и ожесточённо комкая другой угол своего воротничка:

– Я о завещании давно знаю... Только не мне деньги... И никому отдать их по своей воле я не могу... И делиться ими не могу... Хоть, может, мне тоже хотелось бы жить в таких кабинетах... Я не подлец, милостивые госуда-

ри!

Шумейко и адвокат переглянулись.

– Ах, вот что! – пропел Шумейко. – Ну, это другое дело. Простите, г-н Сергеев. Я не знал, что здесь – принцип...

Он насмешливо поклонился ему, слегка качнувшись всем телом, заложив руки за спину. Сергеев ушёл.

– Дело дрянь, – сказал адвокат.

– Нет, не дрянь! – возразил Шумейко, и морщины возле его глаз и на лбу разгладились, и лицо просияло. – На этой почве можно стоять. В крайнем случае и ему ни копейки не достанется. А тебе скажу, дорогой Степан Фёдорович, что напрасно ты поддерживаешь знакомство с такими чудаками как Сергеев. Все эти старые связи, – прибавил он, сострада-тельно улыбаясь, – следует порвать.

– Да, да! Сам знаю.

– То-то? И порвать как можно скорее. Теперь до свидания. Мне нужно ковать железо... Извини, что отвлёк тебя от священных обязанностей хозяина... Поклонись Кромско-му.

Степан Фёдорович, со свечкой в руке, про-

водил его до крыльца.

VI

Когда Степан Фёдорович появился в гостиной, все бросились к нему.

– Ну, что, как? О наследстве?

– Много?

– Он теперь дела свои поправит...

– Ого!

Степан Фёдорович сдержанно улыбался.

– Поклонился тебе, – шепнул он Кромскому.

Кромский мотнул головой.

– Есть, брат, страсть хочется! – заявил он, морщась.

Степан Фёдорович приотворил дверь в соседнюю комнату и просунул туда голову.

– Скоро, Марья Ивановна?

– Приглашайте, коли не терпится! – весело отвечала Марья Ивановна.

Двери распахнулись. Глазам гостей представилась привлекательная картина. Огромный стол был накрыт новой скатертью. В бронзовых канделябрах горели пуки свеч. Рюмки и стаканы сверкали в волне яркого света. Бутылки были расставлены группами,

между судками, букетами цветов и пирамидами груш, яблок и винограда.

– Прошу, господа! – с гордостью произнёс Степан Фёдорович.

Гости шумно сели. Марья Ивановна должна была занять место хозяйки. Возле неё расположились Степан Фёдорович и Кромский. В самом конце стола сел Сергеев. Марья Ивановна чувствовала, как жирное колено Кромского прикасалось к её колену. Степан Фёдорович постоянно подливал ей вина. Она храбро пила, и всё смеялась. Тараканов говорил о Спенсере и Дарвине. Поленов одобрительно кивал головой. К концу ужина весёлость стала преобладающей чертой характера гостей. Хохот не смолкал.

– Дай девочке ещё вина! – говорил Кромский Степану Фёдоровичу. – Пусть девочка напьётся!

Понизив голос, он прибавил:

– А потом я девочку домой подвезу... А?... Пьяненькую? А?

Марья Ивановна краснела и, поднося к губам бокал, влюблённо смотрела на Степана Фёдоровича. Он шептал коснеющим от стра-

СТИ И ВИНА ЯЗЫКОМ:

– Нет, ты ведь моя и ничья больше?

Она опускала веки в знак утвердительного ответа. Но потом останавливала взгляд на Сергееве. Тот ничего не пил, и его лицо, искажённое ревностью, пугало её.

– Степан Фёдорович, скажите спич! Предложите тост! – крикнул Тараканов.

Степан Фёдорович слегка клюнул носом и самодовольно улыбнулся.

– Просим, просим! – раздалось со всех сторон.

– Просим! – закричала Марья Ивановна со звонким смехом.

– Скажи! – посоветовал Кромский.

Степан Фёдорович взял бокал и встал. Глаза его приняли серьёзное выражение.

– Пожалуй, скажу.

– Очень хорошо, очень хорошо!

Он сделал над собой усилие и, закинув голову, начал, с некоторою восторженностью:

– Мы живём в тяжёлое время. Удушливая атмосфера, которою мы дышим. Реку нашей общественной жизни вдруг запрудили плотинной непредвиденных обстоятельств, и она,

по-видимому, готова обратиться вспять. Но если последнее случится, то все плоды нашей молодой цивилизации – наши суды, наше земство, наше крестьянское самоуправление, наша городская автономия, наша адвокатура, наша печать, наши банки – всё это погибнет. Так гибнут во время наводнений водяные мельницы, причём мельники разоряются. Господа, мы мельники. Мы неустанно мелем муку общего блага, и нам следует позаботиться, чтоб наводнение не разорило нас. Но как это сделать? Разберём плотину, которая грозит нам бедствием. Вооружимся мы, либеральные элементы, против элементов, чуждых нашей общественности...

Оратор остановился. Кровь шумела в его голове. Он смотрел на Сергеева, и злое чувство кипело в нём. К чему, в самом деле, здесь этот странный друг его юности? Он горячо продолжал:

– Но если в нас не хватит мужества на активную деятельность, то скажем, по крайней мере, что мы не имеем ничего общего с людьми, тормозящими наш прогресс. В самом деле, нам пора заявить, отбросивши все сим-

патии, не проверенные критикой рассудка, что нас нельзя смешивать с кем попало; нам нора заявить, что мы требуем немногого, что мы уважаем собственность и нравственность. Нам потому это нужно заявить, что иначе, вместе с плевелами, будет вырвана и пшеница. Поэтому я предлагаю тост за всякого, кто станет способствовать скорейшему очищению засорившегося русла нашей общественной жизни!

Крики одобрения оглушили оратора. Все чокались с ним. Тараканов хотел говорить. Поленов тоже просил слова. В суматохе опрокинули бутылку красного вина, и оно текло по скатерти. Кромский под шумок шепнул что-то Марье Ивановне. Она прикрыла его губы рукой и потянулась с бокалом к Степану Фёдоровичу.

Вдруг, кулак с треском опустился на стол.

– Только два слова! – сердито крикнул Сергеев.

– Буду краток, – начал Сергеев хриплым голосом. – И не к вам речь моя. То, что сейчас сказал Алмазов, избавляет меня от необходимости точить с вами лясы. Я – к Протопопо-

вой. Марья Ивановна! Неужели вы останетесь в этой компании? Я всегда с горестью следил за вашими шалостями, но извинял это молодостью, думал, что ваша дурь пройдёт. Такою дурью считал я и то, что вы приняли приглашение Алмазова. Однако, всё же я был с вами и берёг вас. Но теперь, когда я должен уйти от этих господ – место ли вам здесь? Бросьте их! Уйдём: эта тина засосёт и развратит. Уйдём – я требую этого, и имею право требовать, потому что я... ваш жених, Марья Ивановна!..

Он был бледен.

Марья Ивановна посмотрела на Степана Фёдоровича, тоже бледного и со злой улыбкой на слипшихся губах, приложила руку ко лбу, постояла с секунду в нерешимости и затем сказала:

– Кто вас держит?.. Никакого вы права... Не пойду!

– Bravo, bravo! – закричал Кромский. – Ай да девочка!

И за ним радостно закричала вся компания:

– Ай да девочка!

Сергеев, шатаясь, пошёл в переднюю. Па-

хом подал ему рыжее пальто его. Он надел пальто и очутился на улице.

Там было тихо. Влажный мрак слегка редел на небосклоне. Спящий город, казалось, был покрыт чёрным сукном. Дождь всё моросил.

Ноябрь 1879 года.